

Забытый Иван Кондурушкин, или Как съели начальника Сибмилиции

Кондурушкин Иван Семенович

Вот уж чье имя мало что говорит современным сибирякам! Обладателя забавной фамилии забыли накрепко и даже в считанных современных публикациях упоминают без инициалов. А ведь Иван Кондурушкин несколько месяцев возглавлял милицию огромного Сибирского края, активно участвовал в ее строительстве, укреплении и чистке. Анархическая ментовская масса и карьеристы-начальники не стерпели покушения на свои полномочия — на Кондурушкина посыпались доносы. И политические верхи решили избавиться от принципиального и жесткого милиционера. Тем более что почти полгода он в крае уже провел — а это в те первые советские годы, когда новорожденную и малопригодную к управлению номенклатуру тасовали с лихорадочной скоростью, считалось вполне приличным сроком.

Становление героя

Как многие, Кондурушкин начинал свой революционный путь с увлечения эсеровскими идеями. Он родился в 1882 году в Самарском уезде, происходил из батрацкой семьи и в 15 лет ушел из дому, чтобы жить самостоятельно. Работал пастухом и кровельщиком, торговал книгами вразнос, потом учительствовал и писал в газеты. В 20 лет стал эсером и принял активное участие в первой русской революции: как член боевой организации эсеров покушался на генерал-губернатора в Феодосии и «экспроприировал» 600 револьверов с таможенного склада. Отделался двумя не очень долгими отсидками, в мировую войну был мобилизован, и в 1917-м одуревшие от демократии солдатики избрали его командующим 4-й армией Румынского фронта.

Он перешел к большевикам, воевал с казаками на Дону, получил контузию, а потом был председателем ревтрибуналов в Семиречье, Фергане и Казани. Комвойск Украины Михаил Фрунзе осенью 1921 года сообщал в Новониколаевск, что «тов. Кондурушкина знаю как крупного политического работника с теоретической подготовкой. Бывший левый эсер, насколько помню, последнее время с 1920 года он был не совсем здоров, что отразилось на его характере, создавая почву для конфликтов...»

Иван Семенович был весьма крут и классовому врагу пощады не давал. Бывший эсер–боевик «готовил острые блюда» и как председатель ревтрибуналов давил всех без пощады. Говорили, что приводивший приговоры в исполнение доверенный человек Кондурушкина коммунист Галак (хваставшийся тем, как спускал в прорубь крестьян–повстанцев) потом посылал продавать одежду расстрелянных на базар, чтобы купить самогону..

Обстановочка

Преступность в Сибири после падения власти Колчака была невероятная и несколько лет, пока не переловили основные шайки, держалась на высочайшем уровне. Численность милиции в Сибири была вовсе не маленькой — 24 тысячи к сентябрю 1920 года. Но работала она из рук вон плохо по причине крайне низкого уровня кадрового состава. В ряде уездов свыше четверти милиционеров не знали элементарной грамоты. Пролетарии не имели понятия ни о процессуальных нормах, ни о тонкостях оперативной работы: они шли за пайком, обмундированием, оружием. В августе 1921 года главное управление милиции Республики объявило о начале масштабной кампании по чистке милиции. В итоге за полгода по Сибири было уволено 3500 милиционеров. Только из состава сотрудников Новониколаевской губмилиции выгнали 567 человек, в том числе 262 — начальствующего состава. К январю 1922 года по Сибири за незаконные аресты, избиения и ограбления арестованных, взятки, спекуляцию, пьянство и другие преступления было отдано под суд 1400 сотрудников милиции. Но это далеко не оздоровило милицию, поскольку пополнение было того же качества, что и раньше, — в основном малограмотные крестьяне, демобилизованные из армии.

В 1922 году по сравнению с предыдущим в Новониколаевской губернии тяжких преступлений регистрировали в три–пять раз больше. Ужас на горожан наводила банда Орлова, совершившая множество вооруженных ограблений. Обычно бандиты, ворвавшись в квартиру, запирали хозяев в подполе и выносили все ценное. В декабре 1922 года опергруппа из шести милиционеров установила местонахождение «орловцев» и окружила воровскую «малину». На требование сдаться бандиты ответили огнем, ранив троих милиционеров. Те застрелили двух бандитов и содержательницу квартиры, но упустили Орлова. Впрочем, его скоро задержали и расстреляли. С 21 марта по 14 апреля 1922 года Новониколаевск из–за разгула бандитизма по решению Сибревкома, согласованному с Москвой, был даже объявлен на военном положении.

Если в 1921 году уголовных убийств в Новониколаевской губернии зафиксировали 23 (такая величина отражает, конечно, не истинное положение дел, а состояние учета), то через год — 127. Количество обнаруженных трупов выросло за тот же период с 77 до 345. Но и схвачено преступников было больше: бандитов — 65 (в 1921 году — всего семь), воров–рецидивистов — 340 (против 101), а всего количество арестов выросло с 1197 до 3356. Раскрываемость преступлений была на уровне 50 — 60%.

«Милиция Сибири — это опасная банда»

В Сибирь Иван Семенович ехал с 25 помощниками, которые за крутость звали его Иваном Грозным. Не задержавшись особо в Новониколаевске, Кондурушкин вскоре после вступления в должность (29 августа 1921–го) лично ознакомился с вверенным

хозяйством, побывав в пяти губерниях. И ужаснулся. В приказах он весьма сочно охарактеризовал порядки в местных «ментурах». Татарская горюездная милиция удостоилась такой вот характеристики: «Помещение ужасное, полуразвалившееся, неимоверно грязное, без двора и надворных построек. Накурено, наплевано, хуже старых полицейских каталажек. Сотрудники — случайный сброд. В делах полный хаос...

Арестное помещение исчезло. Начальник милиции не знал, куда оно делось. Авторитета никакого милиция не имеет. Отряд милиции похож на банду: грязны, всклокочены, не мыты, оборваны, многие босы (в декабре! - А. Т.). Угрозыск не заслуживает названия такового».

В Иркутской губмилиции Кондурушкин отметил хорошую работу угрозыска, но не нашел бытового порядка: «В караульных помещениях грязно, команды при концентрационных лагерях производят впечатление пещерных жителей: грязные, нечесанные, вшивые, в бане не были 1,5 месяца. Политическая работа не ведется, люди одичали, не знают, что творится на земле».

Алтайской губмилиции досталось крепче: «Подбор командного состава неудовлетворительный. Авторитета милиция не имеет. Уголовный розыск чрезвычайно слаб. Вещественные доказательства раздаются сотрудникам во временное пользование».

Начальник Сибмилиции резал правду—матку без малейшего намека на охрану чести мундира: «Милиция Сибири, особенно уголовный розыск — это опасная банда, а не охрана Республики, разложившаяся морально и экономически». И известные факты о ведущих «правоохранителях» подтверждают это очень наглядно. Из орды мундирных жуликов и авантюристов можно назвать начальника Иркутского губугрозыска — польского революционера—каторжника Викентия Кравчика. При Кондурушкине он был исключен из партии «за избиение арестованных и за неисполнение постановлений нарсуда». Вскоре восстановлен и сразу же резко повышен в должности - в 1922—м возглавлял Сибугрозыск в Новониколаевске, потом три года руководил Новониколаевским губугрозыском, в 1925 - 1926 годах - снова глава угрозыска милиции Сибкрая. Снят за многочисленные злоупотребления и... в следующем году стал помощником губпрокурора в Москве!

А сменил Кравчика в Иркутске токарь Антон Ковальский, но... вскоре его посадили с такой вот формулировкой: «задумав заранее лишить жизни гр. Мартирису, отдал распоряжение... агенту розыска Филиппову застрелить Мартирису из револьвера, что Филиппов и привел в исполнение 7—го марта 1922 г.». Также Ковальский допускал избиения арестованных милиционерами, а также сам бил — что арестованных сотрудников угрозыска, что всех иных прочих. Контролирующие инстанции отметили привычку Антон Антоныча вместе со своим помощником Лысовым «угощаться в ресторанах и притонах» за счет заведений. Реввоентрибуналом начальник угро был приговорен к расстрелу, но, «принимая во внимание его заслуги перед пролетариатом», вышку почтенному партийцу заменили лишением свободы на пять лет.

Власти старались покрывать даже очевидные проступки «своих». Руководивший с ноября 1922 года Омской губмилицией Федор Неструев, коммунист с 1907 года, был замечен в пьянстве «до бессознания» и уличной стрельбе; но его постановили сохранить в партии, ибо Неструев, «состоя на ответственной должности, подвергался обстрелу чуждого ему по идеологии класса, толкнувшего его на путь разложения»... Не выделялись из общей массы и менты Новониколаевской губернии, нередко избивая арестованных до смерти. Сельская милиция была непременным участником и организатором диких бессудных расправ над «гадами» (так называли всех «контрреволюционеров»). Власти называли этот стихийный политический разбой «красным бандитизмом» и боролись с ним обычно только для виду.

Оппозиция и ящик с золотом

Изнуренный язвой желудка Иван Семенович просил у властей пайка (20 фунтов сена и пять фунтов отрубей в день) для личной коровы и керосину для разогрева еды. Оппозиция во главе с начальником Сибугрозыска Н. Зинуковым (характеризовался как упрямый и самолюбивый, а в конце 20-х был изгнан из ОГПУ за пьянство в своем аппарате) и начальниками отделов Сибмилиции В. Мазуром и Н. Забулянисом распространяла слухи, что начмилиции — страшный деспот, преследующий лучшие кадры, что он затребовал для лечения своей язвы четверть денатурата, что его племянница расстреляна красными как контрреволюционерка, что брат сотрудничал в антисоветской газете, что сам начмилиции происходит из поповской семьи... Кондурушкин активно отвечал на интриги: разгонял оппозиционеров по дальним губерниям, а также специально спровоцировал своих врагов искать мифический ящик с золотом, который якобы должен был вот-вот закопать. Те, как последние идиоты, всю ночь пилились в окна, рассчитывая заловить Кондурушкина на куче награбленного золота...

Вороха расписок разных милицейских чинов в получении реквизированного имущества и вещдоков, которыми потрясал Кондурушкин, не произвели впечатления на власти края, обиженные спектаклем с «ящиком золота». А он винился в том, что не предал суду за хищения бывшего начальника Сибмилиции Висвальда Даненберга и его зама по угрозыску Калькиса... Кондурушкина восприняли как склочного и слишком принципиального деятеля, склонного к выносу сора из избы. Власти Сибири запросили знавших Кондурушкина руководителей государства. Фрунзе и прочие прислали хвалебные телеграммы. А вот наркомвоен Лев Троцкий, чье мнение могло стоять всех прочих, не откликнулся. В итоге, наплевав на комплименты со стороны Фрунзе, вдовы Свердлова и ряда других видных деятелей, Сибкомиссия по чистке партии без объяснения причин лишила начальника Сибмилиции права занимать ответственные должности.

В феврале 1922-го Иван Кондурушкин покинул негостеприимную Сибирь.

Дальнейшая судьба его неизвестна. По крайней мере, в тех списках на расстрел 40 тысяч человек, которые в 1936 — 1940 годах подписали Сталин и его банда, фамилии Ивана Семеновича не оказалось...

Алексей ТЕПЛЯКОВ